

АНАЛИЗ СЦЕНАРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ (концепция нелинейного развития политического насилия)

*Араман Мартиросян**

Введение

Развитие социально-психологических отношений во всем мире сделало назревшей необходимостью в мировой практике переговоры между властями и оппозицией. При этом нельзя рассматривать развитие оппозиционного движения во многих странах постсоветского пространства вне контекста социально-политических, экономических, морально-психологических, демографических, этнических и других трансформирующихся процессов, которые, как следствие, вспыхнули после распада Советского Союза и привели к разным аномалиям, и нелинейному развитию различных оппозиционных противостояний как этнического, так социально-экономического характера [1-5]. Армения не могла остаться в стороне и не быть подверженной всем общественно-политическим трансформационным воздействиям, вызвавшим бурю различных изменений во всем мире, во всех сферах человеческого общежития.

Тема внутригосударственной политической стабильности в контексте проблематики политического насилия выступает предметом самых острых современных дискуссий. В первую очередь обсуждаются соответствующие вопросы, связанные с реальными процессами цивили-

* Доцент кафедры прикладной политологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

лизационного развития, конфликтами. Между тем в рамках отдельных общественных наук – социальной психологии, политологии, социологии и системной теории – сложились различные подходы к объяснению данного феномена, кажущиеся несовместимыми и создающие определенные сложности в его понимании. В предлагаемой работе делается попытка анализа данного феномена и синхронизации научных подходов в моделировании сценария политической стабильности.

Психологические подходы к объяснению природы социальных процессов и конфликтов, постулируя биологическую, генетическую или эволюционную предрасположенность человека к актам агрессивного поведения, обнаруживают источник социального насилия во внутренних психологических процессах человека, детерминирующих, в конечном счете, его социальное, в том числе с участием государства, поведение [6-9].

С позиции социальной психологии предмет политического насилия в целом постулирует причинно-следственную связь между внешними факторами социально-политической ситуации (депривация), психологическими предрасположенностями индивидов (фрустрация) и актами агрессивного поведения (насилием). Что, по сути, противоречит традиционному представлению о познаваемой и подсознательной природе коллективного насильственного поведения. Системная же зависимость актов насилия от внешних факторов (факторов извне) в свою очередь обусловлена моделью «рационального» поведения индивидов и, соответственно, его рациональным бихевиористским объяснением, допускающим возможность предупреждения коллективного насилия посредством изменения факторов среды.

Систематический анализ коллективного поведения (насилия) с позиции социально-психологических категорий имеет богатую преемственность. Социально-психологический подход предполагает, что

агрессия — это не автоматически возникающее в недрах человеческого организма инстинктивное влечение, а следствие фрустраций (Джон Доллард и др. [10]), т.е. препятствий, возникающих на пути его целенаправленных действий. Агрессия при этом определяется как поведение, направленное на причинение ущерба, физического либо иного, тем, кто ассоциируется с источником фрустрации: Резюме этого анализа говорит о том что, «мотивом агрессии является такое нанесение вреда другим или интересам других, которое устраняет источники фрустрации, в результате чего ожидается благоприятный эмоциональный сдвиг. Достижение такого сдвига представляет собой цель мотивированного агрессией поведения».

Соответственно этой дефиниции, агрессия всегда является реакцией враждебности на созданную другими фрустрацию (препятствие на пути к цели, урон интересам субъекта), независимо от того, была ли эта фрустрация, в свою очередь, определена антагонистическими намерениями или нет.

С.Браш [11] предполагает, что политическое насилие есть следствие предопределенных обстоятельств, постулированных Н.Смелсером [12], утверждавшим, что антисистемные социально-политические движения произрастают из фундаментального неравновесия макросоциальных структур, на основании чего классифицируются шесть факторов, каждый из которых достаточен для определенных протестных выступлений.

Это фактор структурного способствования (А) – степень терпимости государственных институтов по отношению к социально-политическому протесту.

Это фактор структурной напряженности (В) – экономические проблемы безработицы, бедности, политические проблемы неравенства доходов, протест против властных структур, внешние угрозы, и пр.

Это фактор убежденности (Г) – распространение и раскручивание группируемых идей и соображений о причинах социальных проблем и рекомендации об их возможных решениях. К аналогичным системам идей и мировоззрений относятся основные идеологии (коммунизм, капитализм, демократия, национализм), в том числе и религии, любые иные формы идеологий.

Это фактор мобилизации участия (Д), связанный с организационными возможностями и ролью оппозиционных элит.

Этот фактор неэффективности социального контроля (Е), связанный со способностью социальной и политической системы контролировать и подавлять антисистемные движения, генерируемые предыдущими факторами.

Следовательно, можно утверждать, что антисистемное социально-политическое движение € есть функция суммы факторов неравновесия макросоциальных структур.

Где при удовлетворительных и положительных показателях всех пяти факторах имеет место состояние политической стабильности.

$$\epsilon \approx \sum A + B + \Gamma + D + E.$$

Но если, один из факторов не будет достаточен для общественно-политических и социально-экономических требований общества, происходит сдвиг в сторону наращивания протестных выступлений.

Таким образом, структурный подход выявляет существенную взаимосвязь между внешними факторами социально-политической ситуации в виде алгоритма:

Депривация – Фрустрация – Насилие.

И эти факторы выступают как причинно-следственные последовательные коллективные явления, провоцирующие коллективное насилие.

При этом нельзя забывать, что формирование современного политического сообщества, основанного на принципе рациональности [13], полагает присутствие синхронизирующих механизмов адаптации саморегуляции, ослабляющих антисистемный эффект политического насилия. Здесь агрессия – это не механическое возникающее в глубинах человеческого организма инстинктивное устремление, а следствие фрустраций, т.е. преград, возникающих на пути целеустремленных деяний субъекта, осуществлению его намерений, интересов. Агрессия, при этом выступает как поведение, нацеленное на нанесение урона, физического либо иного, тем, кто ассоциируется с провоцированием акций фрустраций.

Несколько разъяснительных разграничений в этом направлении внес Фешбах [14], разъединив врожденную агрессию и определив ее как экспрессивную и инструментальную агрессию. Экспрессивная агрессия выступает как непроизвольный взрыв гнева и ярости, нецеленаправленный и быстро прерывающийся, причем этот субъект гнева, ярости или нарушения спокойствия не обязательно подвергнут нападению. Мотивацией недружелюбного или агрессивного нападения является, главным образом, желание причинить вред другому субъекту. Инструментальная агрессия устремлена на достижение цели крайнего характера, а насилие употребляется при этом лишь в качестве индивидуального или социально мотивированного средства.

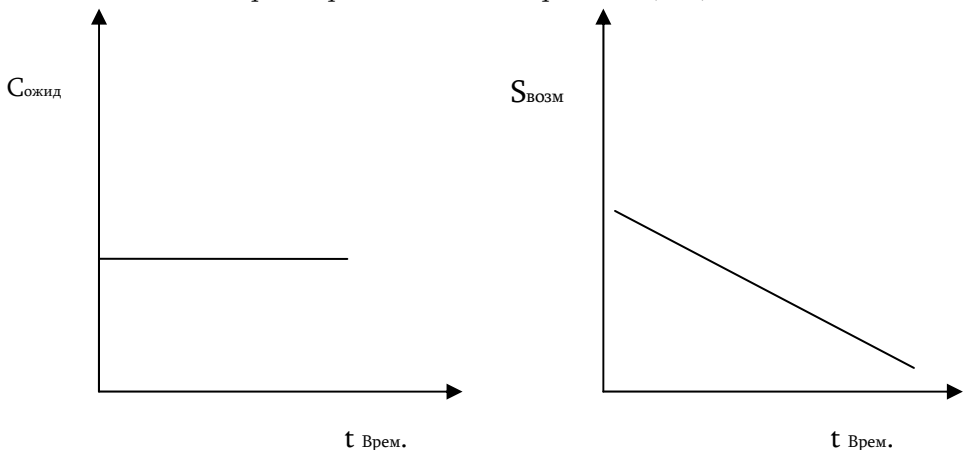
Далее надо отметить, что для раскрытия одной из причин развития феномена насилия у какой-либо группы на базе расовой, религиозной, этнической, экономической основ важную роль сыграла концепция депривации (лишений), как производная фрустрации агрессии в представленном выше алгоритме. Группа, сопоставляя свое положение с членами другой группы, испытывает депривацию, что провоцирует и способствует на насилие. В данном случае наиболее действен-

ная форма депривации – комбинированная комплексная форма двойной депривации, где сочетаются эгоистическая депривация, выражающая ощущение личной ущемленности в сравнении с членами другой группы, и общинная депривация, имеющая коллективную природу, опирающаяся на ощущение групповой ущемленности.

В своё время Т.Гурр истолковал относительную депривацию ($D_{отн}$) посредством ценностных воззрений ($S_{возр}$), возникающих, например, при явлении совместного ожидания ($C_{ожид}$), в соответствии с возможностями коллектива ($S_{возм}$), общества, или другой структуры. И предложил три различных базовых подхода, определяющих относительную депривацию: депривация декрементальная ($D_{дек}$), депривация аспирационная ($D_{асп}$) и депривация прогрессивная ($D_{про}$).

Учитывая это предложение, график ценностных ожиданий и возможностей при декрементальной депривации ($D_{дек}$), когда групповые ценностные ожидания ($C_{ожид}$) сохраняются на прежнем уровне, а достижимые возможности коллектива ($S_{возм}$) значительно сокращаются, можно представить в следующем виде:

График ценностных ожиданий и возможностей при декрементальной депривации ($D_{дек}$)

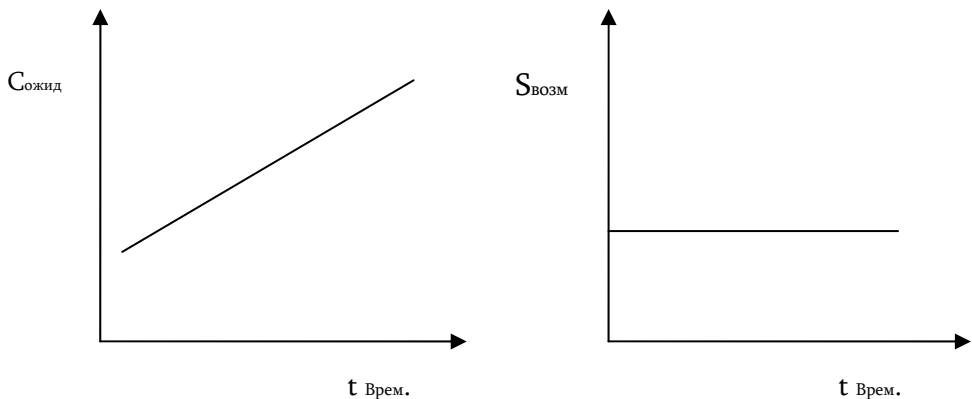

$(C_{ожид}) = const$, а $(S_{возм}) \rightarrow 0$

А фрустрация связана с тем, что люди осознают неспособность более достигать или сохранять позиции, прежде воспринимаемые как безусловно принадлежащие им.

При аспирационной депривации ($D_{асп}$) уровень возможностей остается стабильным, в то время как уровень ожиданий растет.

График ценностных ожиданий и возможностей при аспирационной депривации ($D_{асп}$)

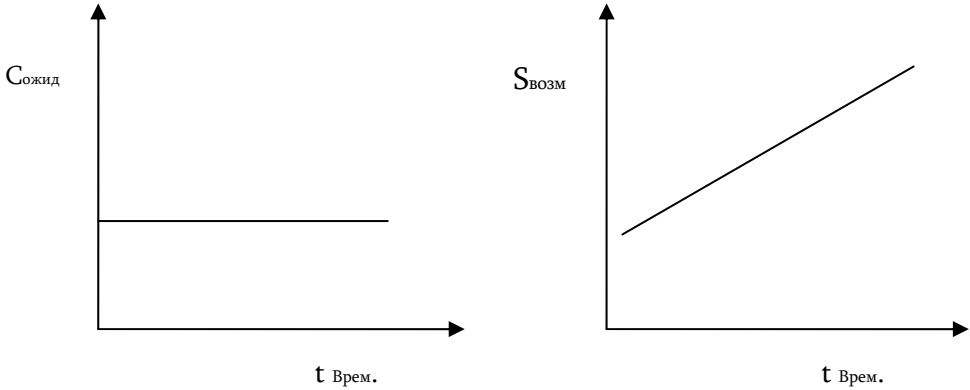
$$(С_{ожид}) \rightarrow \infty, \text{ а } (С_{возм}) = \text{const}$$

В этом случае фрустрация связана с предъявлением обществу растущих требований, которые оно не способно удовлетворить.

И, наконец, при прогрессивной депривации ($D_{прог}$) имеет место известный парадокс коллективного насилия. Когда восстания и революции зачастую происходят не в периоды жесткого политического угнетения и нищеты, а в краткие последующие периоды послаблений и относительного роста благосостояния. Это также следует из истории.

Таким образом, по показателям состояния концепций депривации, одного из компонентов алгоритма «депривация – фрустрация-агрессия» зависит внутренняя стабильность государства. Кроме того, что она сыграла важнейшую роль в развитии современного теоретического анализа причин участия в насильственных акциях.

График ценностных ожиданий и возможностей
При прогрессивной депривации ($D_{\text{прог}}$)

$$(C_{\text{ожид}}) = \text{const}, \text{ а } (S_{\text{возм}}) \rightarrow \infty$$

Как мы уже отмечали, одной из наиболее авторитетных версий концепции депривации, представленной Т.Гарром [15], является также представление относительной депривации через «ожидания» и «возможности» коллектива, постигаемого как любая возможная субструктура общества. *Ценностные ожидания* обусловливаются как «средние ценностные позиции (блага), воспринимаемые членами группы как вполне естественно им принадлежащие». *Ценностные возможности* же, в свою очередь, представляют «средние ценностные позиции», которые воспринимаются членами группы как реально достижимые либо сохраняемые. Этим Т.Гарр еще раз наносит удар по традиционным представлениям об иррациональной и инстинктивной природе коллективного насильственного поведения. И было сделано предположение, что *значимым практически-политическим следствием такого методологического допущения является возможность воздействия на уровень коллективного насилия посредством изменения факторов внешней среды.*

Альтернативой такому пониманию выступает политика силовых репрессий в целях контроля над животными инстинктами, включая

изоляцию «девиантных» личностей от «здоровой» части общества. В настоящее время такое развитие событий широко практикуется со стороны политтехнологов на примере Северо-Африканских, Среднеазиатских и Ближневосточных мусульманских стран с другой целью. Разжигая социальные, межэтнические, межрелигиозные конфликты и деструктурируя внутреннюю стабильность, они создают условия для формирования более масштабного международного конфликта с вовлечением в конфликт крупных ведущих региональных лидеров государств – с целью переноса межэтнических, межрегиональных конфликтов на них территории.

В исследованиях применялись разнообразные подходы, и они породили новые воззрения и дополнения, в том числе и критические замечания [13]. В частности, было предложено принимать в расчет в качестве предпосылки политического насилия такую характеризующую особенность, как отсутствие личной ответственности за неспособность достичь желаемых целей. Исследователи экстремистских движений концентрировали также внимание на том, что похожие феномены насилия могут и не опираться непосредственно на депривацию. Возможны ситуации неудовлетворенности относительно условий или перспектив изменения статусного соотношения основных референтных групп, вызывающие фактор статусного стресса.

В свою очередь алгоритм «депривация–фрустрация–насилие», определяющий причинно-следственную связь между внешними факторами социально-политической ситуации (депривация), психологическими предрасположенностями индивидов (фрустрация) и актами агрессивного поведения (насилие), тоже противоречит традиционному представлению об иррациональной и инстинктивной природе коллективного насильственного поведения.

В одном из ранее опубликованных нами исследований [17] одним из мощных факторов, детонирующих и провоцирующих агрессию, определялось изображение насилия в средствах массовой информации, хорошо соразмерное с агрессивными склонностями зрителей. И что чаще всего исследователями поднимается именно этот вопрос, вызвавший серьезную полемику, особенно в публичных обсуждениях и среди ученых в сфере социальных наук и представителей медиа-индустрии. И, как правило, основное внимание уделяется анализу следующих проблем: а) рассмотрение имеющихся данных по общему вопросу о влиянии изображения агрессии в СМИ на повышенную агрессивность зрителей, особенно детей и подростков; б) исследование роли порнографии как фактора агрессии в целом и сексуальной агрессии в частности.

В настоящее же время реорганизация всей социально-политической платформы обществ в связи с информационно-технической революцией и феноменом глобализации выдвинула на передний план огромную нелинейную систему раздражителей, провоцирующих депривацию, фрустрацию и агрессию. С одной стороны, развивается процесс модернизации отдельных западных обществ, стремящихся перенять западные институты и достичь западного уровня производительности и жизни, а с другой – процесс глобализации, выдвигающих вперед новые тренды.

Не вдаваясь в глубину разногласий анализа проблем глобалистики или трансформалистики по типологии Д.Хелда и его соавторов [18], желательно заранее признать возможную нелинейность социальных процессов, не исключая внезапный слом тенденций в точках бифуркации, и вызывающих огромный масштаб деприваций (лишений). А с учетом позднего И.Валлерстайна [19], который выражает опасение относительно устойчивости любого тренда в переходную эпоху, можно спокойно констатировать нелинейное развитие политической нестабильности внутри государства. Тем более что переходность не только не оз-

начает, что люди просто пока не понимают ситуацию, а означает прежде всего то, что ситуация может измениться, что она нелинейна, всегда чревата какими-то новыми лишениями и катастрофой ценностных ожиданий. И это надо иметь в виду в дискуссиях о глобализации.

По сути, развитие определенных универсальных исторических явлений имело место всегда, а не только в связи с процессами, которые сегодня стали называть глобализацией. И капитализм, и Вестфальская система, которая сделала национальное государство мировым институтом, и Филадельфийская система, которая сделала демократию мировой формой правления, – это все важные факторы на пути глобализации, установления новой общности человечества. Но если отойти от восприятия всего этого как исторического явления и проникнуть в глубину реорганизующих общества процессов, можно невооруженным глазом увидеть всю нелинейную систему развития политических конфликтов. Например, промышленная экономика ведущих государств, сформированная на заказ по критерию пирамидальной структуры, оказалась в серьезной беде. Теперь, вытесняя ее, начала всплывать экономика информационная, где иерархия более чем несовременна. В информационной экономике твердые иерархические структуры тормозят течение потока информации – как раз там, где как воздух нужна высокая скорость информации.

Точно так же централизованные институты общества, само существование которых основано на иерархиях, стали повсюду распадаться. А на их месте стали возникать мелкие децентрализованные организации, связанные друг с другом неформальными отношениями.

Чем больше в общество внедряются новинки технологического прогресса, тем сильнее докучает людям безличная и холодная форма бюрократии. И чтоб уравновесить вторжение техники в и без того бездушную иерархию, необходимо поддерживать и развивать личностные отношения.

Многие понимают, что сегодняшние проблемы – это провисающая экономика, политические волнения и горестный перечень социальной неразберихи – неразрешимы в мире, организованном по иерархическому принципу. На этот вопрос отвечает Д.Нейсбит [20], который в качестве модели новых общественных отношений выявляет формирующуюся новую мощную структуру для общественных действий – сетевые структуры. Сети – это люди, которые общаются друг с другом, делясь идеями, информацией и ресурсами. Существенное здесь – общение, создание связи между людьми и группами людей. Сети многомерно прорезают все общество, создавая поистине междисциплинарный подход к людям и вопросам. Одновременно гармонизируя и поднимая на новый уровень отношения внутри государства. В сетевой структуре великим уравнивающим фактором между обществом и государством является сама информация. Сети эгалитарны, и не потому что все участники равноправны. Наоборот, сети диагональны и трехмерны, они вовлекают в себя людей различных уровней. Но в сети люди уже относятся друг к другу как к равным, поскольку всем нужна информация.

Есть три фундаментальные причины, в связи с чем в современном обществе происходят болезненные трансформации, в свою очередь также вызывающие протест, переходящий в агрессию и насилие.

1. неэффективность традиционных структур,
2. перегрузки от информационного потока,
3. тенденция развала иерархий.

Самоорганизация же людей в сетевые структуры, выступающая важнейшей общественной формой, достаточно хорошо балансирует внутриобщественные отношения. Но, к сожалению, распад традиционных отношений, таких как семья, церковь и соседство, в современ-

ном человеческом обществе приводит к массовому протесту и фрустрации-агрессии.

С другой стороны, еще одним из факторов, провоцирующих массовый протест, выступает «провисающая экономика», с такими ключевыми точками как свободная торговля, революция в технике, информатизация, чрезвычайное снижение таможенных барьеров (60% до Второй мировой войны, сейчас – 5-6%), потеря национальной валютой своего «патриотизма», победа капитала над национальными интересами и т.д.

Если в Армении нет своей продукции легкой промышленности, туда придут или турецкие, или иранские, или китайские товары. Распад коммунизма был еще одним шагом по пути глобализации, вследствие которого исчезли закрытые для капитала и информации зоны. Однако возникший у нас в Армении капитализм, как и в других странах постсоветского пространства, совершенно не похож на западный. М.Вебер [16] когда-то отвечал, что, западный капитализм отличается от незападного в странах, где капитал может приобретаться на основе грабежа, войны, обмана и пр., тем, что он основан на труде и этике предпринимательства. Отделение западного капитализма, основанного на труде и морали, от незападного составляло суть модернизационных идей М.Вебера. Он писал: «Повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются “отсталыми” по западноевропейским масштабам». Капиталистическая модернизация создает отлаженный спрос, производство не только ради насущных потребностей, но и ради самого производства. Экономический мотив при капитализме становится самоцелью, приходя в противоречие с традиционным стилем мышления. М.Вебер пишет: «Человек по своей при-

роде не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить “производительность” труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление, переходящее в протест, провоцирующее часто насилие. На это сопротивление он, продолжает наталкиваться по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми являются основная часть общества, с которыми ему приходится иметь дело».

В процессе становления современного Запада создавались, прежде всего, политические и культурные условия, которые закрепляли трудовую мотивацию, берущую начало в этике автономного индивида с его ответственной свободой, и государство, находящееся под контролем гражданского общества. Но в процессе развития общественных отношений в мире ослабла цивилизующая миссия капитала, его ответственность за создание цивилизованной социальной субстанции капиталистических обществ мира. Эта задача стала непосильной для Запада. Поэтому в посткоммунистический период во многих странах постсоветского пространства удивлялись, что при номинальном провозглашении модели «сравнивающейся» модернизации идут противоположно направленные процессы. И что Запад видит упрощенную модель нашей реальности как противостояния коммунистов и демократов. Мы не понимали, что Запад интересуется только глобализацией капитала, но вовсе не тем, чтобы способствовать созданию в Армении, да и в других странах постсоветского пространства, цивилизованной социальной субстанции. Прозелитический экспорт демократии (остатки Филадельфийской системы) не проявлялся в чем-либо реально осязаемом. Охватив целый посткоммунистический регион, капитализм в нем

оказался в плену локальных традиций и творении множества диких, криминальных и квазикапиталистических форм социальной субстанции. Поэтому удовлетворенные функционированием капитала в Армении не могут понять тех, кого удручает разложение армянской национальной и социальной ткани.

Исзуемая проблема сценариев внутригосударственной стабильности зависит от многофункциональных, дифференцированных, причинно-следственных процессов происходящих внутри самого общества под воздействием внутренних и внешних мировых движений.

Январь, 2013г.

Источники и литература

1. *Тишков В.А.*, О феномене этничности. Этнографическое обозрение, 1997, №3.
2. *Тишков В.А.*, Этиология и политика. Научная публицистика, 2001, сс. 229-240.
3. *Тейлор Ч.Д.*, О мультикультурализме и демократическом исключении // сб. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002.
4. *Чешко С.С., Билифельда У.Д.*, Этнополитические аспекты эволюции доктрины самоопределения // сб. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002.
5. *Осипова А.А.*, Дискуссии о групповых правах и защите прав меньшинств. «Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств?» //сб. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002.
6. *Моисеев Н.Н.*, Универсальный эволюционизм. Вопросы философии. 1991, №3.
7. *Dahrendorf R.*, The Modern Social Conflict. An Essay in the Politics of Liberty. – L., 1988.
8. *Percival V., Homer-Dixon T.*, Environmental Scarcity and Violent Conflict: The Case of Rwanda. University of Toronto, 1995, p. 5.
9. *Huntington S.P.*, Political Order in Changing Societies. – New Haven, 1968.
10. *Доллард Дж. и др.*, Гипотеза фрустрации-агрессии. – ВоНг, 1939.
11. *Brush S.G.*, Dynamics of Theory Change in the Social Sciences: Relative Deprivation and Collective Violence The Journal of Conflict Resolution. 1996, Vol. 40(4).
12. *Smelser N.*, Theory of Collective Behavior. – N.Y., 1963.

13. *Gupta O.K.*, The Effect of Political Instability on Economic Growth. The Economics of Political Violence. – N.Y., 1990.
14. *Feshbach S.*, Dynamics and Morality of Violence and Aggression: Some Psychological Considerations American Psychologist. 1971, Vol. 26.
15. *Гарр Т.Р.*, Почему люди бунтуют. – СПб: Питер, 2005.
16. *Weber M.*, The Theory of Social and Economic Organization. – N.Y., 1947.
17. *Мартirosян А.А.*, Проблемы и формы насильственных действий различной интенсивности (концепция нелинейного развития политического насилия). 21-й Век, Информационно-аналитический журнал НОФ «Нораванк», №5, Ереван 2012, сс. 118-130
18. *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратор Дж.*, Глобальные трансформации. – М., 2004.
19. *Wallerstein I.*, The Uncertainties of Knowledge . Philadelphia: Temple University. “World-Systems Analysis.” 2004.
20. *Нейсбит Дж.* Мегатренды. – М.: ЕРМАК, 2003.

ANALYSIS OF THE POLITICAL STABILITY SCENARIO IN THE CONTEXT OF PROBLEMATIC OF INSIDE POLITICS VIOLENCE

Arman Martirosyan

Resume

Development of social and psychological relations in the whole world has made the dialogue between the authorities and opposition logical and nowadays it has become a long-felt need. Meanwhile, one cannot consider the development of the opposition movement in many post-Soviet countries outside the context of social and political, economic, moral and psychological, demographic, ethnic and other transforming processes which broke out after the collapse of the USSR and caused different anomalies and non-linear developments of various oppositions of both ethnic and social-economic character. Armenia could not stand back and avoid being impacted by all social and political transformational influences which touched off a storm of various alternations all over the world and in all the spheres of a social life.